

DOI: 10.15393/j9.art.2013.387

Светлана Олеговна Захарченко

*кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры туризма,
Петрозаводский государственный университет,
(Петрозаводск, Российская Федерация)
zco59@mail.ru*

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ С. ОРЛОВА О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ (В СРАВНЕНИИ С ЦИКЛОМ А. БЛОКА «НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ»)*

Аннотация. Куликовская битва — одно из знаковых событий русской истории. В данной статье рассматриваются по пять стихотворений Александра Блока и Сергея Орлова на тему Куликовской битвы.

Цикл «На поле Куликовом» Александра Блока пророчески предсказывает грядущие в России перемены. Стихотворения Сергея Орлова, посвященные теме Куликовской битвы, являются своего рода показателем творческой эволюции поэта.

Образ родины, как и образ жены (вдовы), и у А. Блока, и у С. Орлова восходит к образу Богородицы. Образы светил у обоих поэтов связаны с воинской атрибутикой и восходят к евангельским образам. Образ воина восходит к евангельскому образу братства.

Поэтический опыт Александра Блока и Сергея Орлова выявляет православные корни, которые питают всю русскую культуру.

Ключевые слова: евангельский образ, Куликовская битва, Сергей Орлов, Александр Блок, образ родины

Одним из глубинных и емких по своему звучанию в XX в. является поэтическое решение темы Куликовской битвы в творчестве Сергея Орлова¹. Поэт не объединял стихотворения «Ночь бела. Закат идет в рассвет...»², «На городском валу заплачу...»³, «Вновь над курганом Синеуса...»⁴, «Монолог воина с поля Куликова»⁵, «На Белом озере»⁶ в отдельный цикл, но в результате исследования выявляется некоторая цикличность.

В стихотворениях С. Орлова о Куликовской битве наблюдается переключки с предшественниками, а именно с циклом «На поле Куликовом» А. Блока. Цикл «На поле Куликовом» был написан Блоком за несколько дней, и речи об эволюции

образа, соответственно, идти не может. Куликовская тема в творчестве С. Орлова, напротив, разрабатывалась в течение нескольких десятилетий и может являться, в некотором роде, показателем творческой эволюции поэта.

Цикл «На поле Куликовом», написанный А. Блоком в 1908 г., состоит из пяти стихотворений⁷. М. Дудин, давая характеристику этому циклу, восторгается «железной связью слова со временем. Какая возвышающая душу верность Родине и Долгу! <...> Слова Блока стали эпитафией жизни моего поколения» [5, 11]. А. Блок свое отношение выразил в примечании к циклу: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди» [12, 21]. М. Чистов полагает, что «гениального поэта волновало чудо русского духа и русского характера, так ярко проявившееся в данном историческом сражении» [12, 21].

Восприятие Блоком Куликовской битвы происходило сквозь призму общественного сознания начала XX в., когда «обстановка нарастающего кризиса и углубляющихся противоречий служила питательной почвой для пробуждения в массовом сознании примитивных архетипических образов и примитивных реакций» [4, 642]. И. Серман отмечает, что «в цикле стихов "На поле Куликовом", где впервые Блок находит пусть противоречивое, но художественное единство этих главных стихий своего творчества, история становится органической составной частью или даже основой современного лирического, внутренне-личностного сознания. Поэтому сама современность становится движущейся историей» [10, 181].

Стихи Орлова о Куликовом поле написаны от имени лирического героя, современника поэта. У Блока же только пятое стихотворение цикла «переводит действие в современность и делает бой метафорическим, родственным тому бою, о котором писали А. К. Толстой и Вл. Соловьев» [7, 94].

В сопряжении двух исторических пластов создается образ Родины.

Образы Блока и Орлова строятся на одной основе; прослеживается взаимосвязь как на лексико-грамматическом, так и на семантическом уровне.

В стихотворении Орлова «Монолог война...» использован образ «стрелой пробитое сердце».

Сравним, у Блока:

Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
...Из сердца кровь струится!⁸

В первом стихотворении цикла Блок создает поэтический образ Руси, подобный гоголевской птице-тройке [11, 264]:

Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!⁹

Стихотворение Орлова «Монолог война...» повествует о становлении в России государственности. Его лирический герой говорит о Руси, состоящей из множества разрозненных удельных княжеств:

Есть земель вековая обида,
Есть рабы, восставшие к мести...¹⁰

Для современников Орлова число «пятнадцать» обладает неким сакральным смыслом, это количество республик, входящих в состав СССР. Нет России, есть одна из пятнадцати республик. Стихотворение, рассказывая о событиях XIV столетия, пророчески говорит о возрождении России в XX веке.

Одной из основополагающих оппозиций в стихах Блока и Орлова является противопоставление света и тьмы. Исследователи блоковского цикла «На поле Куликовом» отмечают движение от тьмы к свету в каждом стихотворении [7, 91]. У С. Орлова подобное движение отмечено в первом, третьем и пятом стихотворениях. В последнем стихотворении оппозиция верха и низа, лексически выраженная сопоставлением неба и воды, и оппозиция *тьма* — *свет* создают поэтическое пространство, сравнимое с хронотопом, заданным в «Сказании о Мамаевом побоище». Описание неба и воды встречаются в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Доспехи ж русския, аки вода сильная <...> и шеломы на главах их, аки утренняя заря»¹¹. У Орлова «отсвет звезд <...> сиял <...> по шеломам и стальным щитам» и «луна <...> как круглый

русский щит». Вопрос Орлова: «На какой он засияет стили?» — перекликается с образом Блока:

В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь¹².

Свет, описанный в стихотворении Орлова «Ночь бела...», исходит от Богородицы, чей образ создан Блоком в третьем стихотворении цикла «В ночь, когда Мамай залег с ордою...»:

А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.
И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде, свет струящей,
Не спугнув коня...¹⁴

Свет «червленной луны» из стихотворения Орлова «Вновь над курганом Синеуса...» ассоциативно напоминает свет покрова Богородицы из стихотворения Блока «В ночь, когда Мамай залег с ордою...».

У Орлова:

...Взошла червленная луна.
Над всею православной Русью
Как круглый русский щит она.¹⁵

У Блока:

Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.¹⁶

Оба поэта создают образ луны с помощью воинских атрибутов. В стихотворении Блока «Опять с вековой тоскою...» появляется сложная метафора «под игом ущербной луны», ассоциативно напоминающая татаро-монгольскую кривую саблю:

Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.¹⁷

В следующей строфе этого стихотворения метафора усиливается сравнением: «...я с вековой тоскою, как волк под ущербной луной». Блок символически отмечает ослабление

русского духа и пророчески предсказывает атеистический период России XX века.

В стихотворении Блока «В ночь, когда Мамай залег с ордою...» образ щита относится к XIV в., а «ущербная луна» — к началу XX. У Орлова образы луны и щита — это *сравнение* «щит луны», которое отсылает как к XIV, так и к середине XX в., и символизирует победу русского духа.

В контрасте со светом луны над русскими войсками находится небо над станом Мамаевой орды:

Там небо скрыто в тучах чадных,
Крик над мамаевой ордой,
Князья выводят полк засадный...
О Русь, вот день победный твой!¹⁸

Орлов вслед за Блоком повторяет легенду о явлении Богородицы русским воинам перед битвой. Документально же был зафиксирован факт благословения русской армии преподобным Сергием Радонежским, который отправил с князем Дмитрием Донским двух своих монахов-воинов Пересвета и Ослябю.

Символичен свет в орловском стихотворении «На Белом озере», в котором две зари перед лирическим героем — это, одновременно, «огни причала и огни простора» в историческом настоящем и огни русского стана перед Куликовским сражением. В этом же символическом ряду находится свет луны, нисходящий богородичный свет, предвещавший победу Руси.

В строках «Закат идет в рассвет» («Ночь бела...») и «И снова две зари передо мною» («На Белом озере») описывается рассвет. Сходятся две исторические эпохи, происходит «укорочение расстояния» [8, 29]. Автор не сравнивает ночь современности и ночь перед Куликовским сражением. Поэтическая ночь относится к летнему периоду, тогда как ночь Куликовская приходилась на 8 сентября (осенний период). Белая ночь сопрягает две зари и две эпохи¹⁹. Вводится оппозиция цвета. *Ночь бела, заря багровая* в современности; *зареве багровое* во время Великой Отечественной войны; *закат в крови* в цикле Блока. Багряный закат фигурирует и в чуде,

случившемся в полку князя Владимира Андреевича: «...над вами небо отверсто, из него ж изыде багряная заря...»²⁰. *Багровая заря* Орлова, в отличие от блоковского *заката в крови* более близка к древнерусскому тексту о Куликовской битве.

Библейский мотив прослеживается в строке «Сном праведника спал в березах город» из последнего на тему о Куликовской битве стихотворения С. Орлова «На Белом озере»²¹. Блоковское «богородичное» стихотворение находится в центре цикла. П. Громов предлагает два варианта «светлого образа», нисходящего на воина: как лирически понимаемый образ России, или «более узко исторически... как лирическое ощущение Родины сквозь образ Богородицы» [2, 341]. Пятое стихотворение блоковского цикла заканчивается сакральным «молись», которое предполагает «начало нового тура исторических действий, аналогичных описанным, и потому попадающее как бы в центр некоторой временной последовательности» [7, 91]. В орловском стихотворении «На Белом озере» носителем богородичного начала является современница поэта, чей образ он создает посредством описания ее рук («Девичьи руки белые на взлет»), ассоциативно напоминающих лебединые крылья, и голоса («Звала тревожно девичья мольба»). И. Гринберг отмечает, что «звонкое девичье восклицанье: "Да где же это поле Куликово?" — соединяет грозные битвы и то горестное, счастливое общение юных сердец» [3, 35].

Рефреном идет строфа

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса²².

Используемые Орловым глаголы «сплетались», «рождались», «длились», «мерещились» вместе с сочетанием «девичья мольба» перекликаются с обращением Блока: «молись». Исследователи отмечают, что «блоковский цикл не только впитал в себя литургические цитаты, но и непосредственно воспроизводит ситуацию молитвы» [7, 84].

Одухотворенное женское начало присуще как циклу Блока, так и стихотворениям Орлова о Куликовской битве. Образ вдовы из второго стихотворения Орлова «На городском валу заплачу...» перекликается с образом жены из стихотворения Блока «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...»²³.

Я — не первый воин, не последний,
 Долго будет родина больна.
 Помяни ж за раннею обедней
 Мила друга, светлая жена!²⁴

Сравним, у Орлова:

Он спит на поле Куликовом,
 Мой князь, мой муж, и Русь его
 Качает на груди пуховой,
 Возлюбленного своего.²⁵

Строка стихотворения «На городском валу заплачу...» связана с образом Ярославны из «Слова о полку Игореве». Автор «Задонщины» также обращался к тексту «Слова...».

В богородичной теме цикла «На поле Куликовом» присутствуют две линии. «Так, рифма *мосты* — Ты связана и со свадебной символикой, и с литургическим названием Богородицы "мостом": "Радуйся, *мосте*, переводяя сущих от земли на небо" (ср: "И с туманом <...> Прямо на меня Ты сошла")» [7, 89]. У Орлова лирический герой «по мосткам скрипучим по дощатым / Прошел <...> на озеро». «И с озером мешались облака. Шагнешь и в небо упадешь, пожалуй». Мостки ведут в небо: так оба поэта символически обозначают связь земного и небесного.

Строка Блока «Я — не первый воин, не последний»²⁶ отзовется в другом стихотворении Орлова «Монолог воина с поля Куликова»:

Их четырнадцать было, князей белозерских,
 Я пятнадцатый с ними²⁷.

Блок и Орлов ведут собственный счет. Лирический герой Блока «не первый воин, не последний», у Орлова герой завершает счет в прошлом и открывает его в будущем. Монолог свойствен для поэзии XVIII–XX вв. Значение *мы* на фоне

регулярного я лирической поэзии, в том числе и у Блока, воспринимается как обращение к древнерусской брачной формуле, которая метафорически присутствует в битве. Г. А. Левингтон и И. П. Смирнов видят в употребленной Блоком «формуле *мы, сам-друг* намек на Пересвета и Ослябю» [7, 84]. Орлов также использует древнерусскую лексему *сотоварищи*, введенную в стихотворение «Монолог воина с поля Куликова» после я лирического героя. *Мы* Орлова так же, как *мы* Блока, ассоциируется с христоролюбивыми воинами. Эта ассоциация возникает на стыке двух местоименных форм *мы* и *они*, где *они* — это тучи стрел, коршуны и крыжень. Объединяя явления разного порядка и удаляя от них главное событие («А какое до них нам дело!»), Орлов переводит битву на духовный план, где противостоят тьма и свет, безверие и вера. «Материя не дает единства. Оно зреет в "свободе славы сынов Божьих"²⁸» [6, 390].

Г. А. Левингтон и И. П. Смирнов усматривают в формуле *мы, сам-друг* наличие брачной тематики, которая вводит в цикл древнерусскую метафору *битва-свадебный пир* [7, 36]. Блок создает образ Руси, привлекая фольклорные мотивы. Это связано с его символическим восприятием России как жены. Создание образа Родины в стихотворениях С. Орлова имеет библейскую мотивацию. Чаша, испитая до дна его лирическим героем — это уже не брачная чаша, а чаша искупления. В поэзии фронтовиков наиболее частотен образ побратима, брата, друга, восходящий к христианскому братству, к христианской мотивации: *умереть за други своя*. Например, в стихотворении Л. Решетникова «Солдатам сорок пятого года» лирический герой обращается: «Ах, други вы мои, солдаты-побратимы»²⁹. М. Соболев в стихотворении «Москва. Концерт...» вслед за Шекспиром использует сравнение «как сорок тысяч братьев»; а в стихотворении «Я был мертв...» называет безымянного солдата братом. Тема фронтовой дружбы в поэзии М. Соболева преобразуется в тему фронтового братства: «я не друга вспоминаю — брата: фронтовой — побольше, чем родной»³⁰.

«Временную неопределенность» усматривают исследователи в «присущей "На поле Куликовом" концепции цикличес-

кого времени с ее непроясненностью начал и концов» [7, 77]. Строка «Но узнаю тебя, начало...» стоит в середине последнего стихотворения Блока. Ср.: у Орлова: «Так Россия с нас и начнется / И вовек не кончится боле»³¹.

Воспроизведение битвы в ее основных, значимых моментах не вытекало из творческих задач, поставленных перед поэтами. Каждый из них исходил из проблем своего времени. Но тема засадного полка присутствует у обоих поэтов. У Блока этот эпизод описан в стихотворении цикла «Опять с вековой тоскою». В. Н. Альфонсов истолковывает эту часть цикла как рассказ о ратнике засадного полка [1, 364]. Блока тревожит предчувствие предстоящих революционных событий. И если Герман, главный герой драматической поэмы Блока «Песня судьбы», мучительно переживает необходимость ждать своего часа, то лирический герой цикла «На поле Куликовом» знает: «Покоя нет!».

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. Молись!³²

Орлов по-своему осмысляет эпизод стояния в засаде. Его стихотворение «Вновь над курганом Синеуса» заканчивается, как и блоковский цикл, обращением к России:

Князя выводят полк засадный...
О, Русь, вот день победный твой!³³

В четвертом стихотворении Орлова «Монолог воина с поля Куликова» создается образ засадного полка. Это связано не только с временным разрывом между веками; в полку засадном, как потом напишет Е. Евтушенко в поэме «Непрядва»: «Этой битвы Куликовской в роще, тайно непустой, / Ждали Пушкин и Чайковский, Достоевский и Толстой»³⁴. Вся русская культура, источником которой является древнерусская православная словесность, начиная со «Слова о полку Игореве», «Сказания о Мамаевом побоище», стоит в засадном полку, готовом защищать Россию в любые века.

Обращение к далекому историческому прошлому помогает С. Орлову осветить современность и прокладывает мост

в будущее. Исследователи отмечают, что «Блок мыслил Куликовскую битву как прообраз современной ему ситуации» [7, 73]. Для С. Орлова события Куликовской битвы были не менее актуальны. Он говорил:

Как бы ни были несхожи друг с другом и отличимы друг от друга поэты фронтового поколения, объективные условия, в которых формировались их творческие индивидуальности, оказали такое решающее влияние на философию и психологию каждого, что поэтические формулы действительности каждого можно отнести ко всему поколению³⁵.

В этих строках проступает философское начало, присущее творчеству Орлова.

Поэтический опыт Сергея Орлова в сравнении с циклом Александра Блока выявляет актуализацию евангельских образов и мотивов во второй половине XX в., в частности образа Богородицы и мотива спасения.

Примечания

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

¹ Сергей Сергеевич Орлов родился 22 августа 1921 года в деревне Мегра Белозерского района Вологодской области. Происходит из известного дворянского рода Орловых. Родители будущего поэта были учителями. Первая публикация (стихотворение «Тыква») принесла С. Орлову первую премию на Всесоюзном конкурсе школьников и первую профессиональную оценку поэтом К. И. Чуковским. По окончании школы в Белозерске в 1940 году Сергей Орлов поступил на историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета. В 1941–1944 годах воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, стал командиром танка; дважды горел в танке, после ранения в феврале 1944 года демобилизован. В 1954 году окончил Литературный институт. Заведовал отделом поэзии в журналах «Нева», «Дружба народов». В 1974 году ему была присуждена Государственная премия РСФСР им. Горького. С. С. Орлов за фронтовое мужество, литературную и общественную деятельность награжден орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны, Трудового Красного Знамени и многими медалями.

² Орлов С. С. Собрание сочинений. В 3 т. М. 1979. Т. I. С. 46. Далее тексты Сергея Орлова приводятся по этому изданию.

- ³ Орлов С. С. Т. I. С. 98.
- ⁴ Орлов С. С. Т. III. С. 272.
- ⁵ Орлов С. С. Т. II. С. 258.
- ⁶ Орлов С. С. Т. II. С. 260.
- ⁷ Блок А. На поле Куликовом // Блок А. Собрание сочинений в 6 т. Л., 1980–1982. Т. 2. С. 84–88. Далее тексты А. Блока приводятся по этому изданию.
- ⁸ Блок А. Т. II. С. 84.
- ⁹ Образ коня в Куликовском цикле у Блока и у Орлова восходит к архетипу проводника души. У Блока — это «степная кобылица», у Орлова «в даялах звякали подковы», и если у Блока «Я рыщу на белом коне», то у Орлова «Конь мой гривой мотает рыжей». «Степная кобылица» Блока — образ стремящейся к свободе России XIX века. Образ родины у Орлова не связан с образом коня, а восходит к избранному для России духовному пути не на лексическом, а на семантическом уровне. Рыжий цвет орловского коня характерен для всего творчества поэта и символизирует архетипическое начало проводника между миром живых и царством мертвых, носителем которого в мифопоэтическом сознании славян считался сначала огонь (отсюда и рыжий, огненный цвет), далее конь, а затем птица.
- ¹⁰ Орлов С. С. Т. II. С. 258.
- ¹¹ Текст древнерусской повести «Сказание о Мамаевом побоище» цитируется по книге: Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.
- ¹² Блок А. Т. II. С. 84.
- ¹³ В образе реки Непрядвы преобладает женское начало. Фата — знак невесты. Как невесту, наряжают церковь перед праздником. В наряде невесты хоронят незамужнюю девушку.
- ¹⁴ Блок А. Т. II. С. 85.
- ¹⁵ Пятое стихотворение Блока из цикла «На поле Куликовом» начинается:

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

Оба стихотворения написаны пятистопным ямбом и имеют взаимосвязь мотивов и образов.

¹⁶ Блок А. Т. II. С. 86.

¹⁷ Блок А. Т. II. С. 86.

¹⁸ Орлов С. С. Т. II. С. 260.

¹⁹ Ср.: в стихотворении О. Кочеткова «Память»:

Он слева пошарил рукою:
«Где меч?» — И нащупал... гранату.

- ²⁰ Сказание о Мамаевом побоище... С. 30.
- ²¹ Орлов С. С. Т. II. С. 260.
- ²² Там же.
- ²³ Это не единственное соответствие. Образ женщины у Блока и Орлова имеет параллель и в образе Сольвейг, созданном под влиянием лирической героини Пер-Гюнта.
- ²⁴ Блок А. Т. II. С. 85.
- ²⁵ Орлов С. С. Т. II. С. 260.
- ²⁶ Блок А. Т. II. С. 85.
- ²⁷ Орлов С. С. Т. II. С. 258.
- ²⁸ Рим. VII, 21.
- ²⁹ Решетников Л. Верность. Новосибирск, 1990. С. 124.
- ³⁰ М. Соболев. «Москва. Концерт. Актриса в чёрном платье...» // Стихи о Великой Отечественной. М.: Худож. лит., 1985. Кн. 2. С. 224—225.
- ³¹ Орлов С. С. Т. II. С. 260.
- ³² Блок А. Т. II. С. 88.
- ³³ Орлов С. С. Т. III. С. 272.
- ³⁴ Евтушенко Е. Непрядва // Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. С. 405.
- ³⁵ Орлов С. С. Т. III. С. 107.

Список литературы

1. *Альфонсов В. Н.* Тема России в лирике А. А. Блока в 1905—1916 гг. // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Л., 1957. Т. 164. Ч. 1. С. 364—389.
2. *Громов П. А.* Блок, его предшественники и современники. М.-Л.: Советский писатель, 1966. 568 с.
3. *Гринберг И.* Полет стиха и поступь прозы. М.: Современник, 1976. 192 с.
4. *Домников С. Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейя, 2002. 672 с.
5. *Дудин М.* Ветер времени и поэт // Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 5—15.
6. *Иоанн Сан-Францисский*, архиепископ. Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. 575 с.
7. *Левинтон Г. А., Смирнов И. П.* «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // ТОДРЛ. Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л.: Наука, 1979. Т. XXXIV. С. 72—92.
8. *Лихачев Д. С.* Древнерусская литература и современность // Русская литература. 1978. № 4. С. 12—29.
9. *Панченко А. М., Смирнов И. П.* Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1971. Т. XXVI. С. 33—49.

10. *Серман И.* Поэт и история // Вопросы литературы. 1967. № 4. С. 179—188.
11. *Усок И. Е.* Куликовская битва в творчестве Александра Блока // Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980. С. 264—287.
12. *Числов М.* Просторы современной поэмы // Вопросы литературы. 1981. № 1. С. 21.

Svetlana Olegovna Zakharchenko

*Ph.D in Philology,
Senior Teacher of Department of Tourism,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
zco59@mail.ru*

**EVANGELICAL IMAGES AND MOTIFS IN SERGEY
ORLOV'S POEMS ABOUT THE BATTLE OF
KULIKOVO (IN COMPARISON WITH ALEXANDER
BLOK'S CYCLE OF POEMS
ON THE FIELD OF KULIKOVO)**

Abstract: The Battle of Kulikovo is one of the most significant events in Russian history. This article studies five poems by Alexander Blok and Sergey Orlov devoted to this battle.

Alexander Blok's cycle of poems *On the Field of Kulikovo* prophetically predicts future changes in Russia. Sergey Orlov's poems devoted to this historical event can be seen as a certain indicator of his creative evolution.

The image of the homeland, as well as the image of his wife (widow), both in Blok's and Orlov's poems originates from the image of the Mother of God. Images of a celestial body used by both poets are associated with military paraphernalia and arise from the evangelical images, while the warrior image is based on the evangelical image of brotherhood.

Poetic experience of Alexander Blok and Sergey Orlov reveals Orthodox roots that nourish the entire Russian culture.

Keywords: an evangelical image, the Battle of Kulikovo, Sergey Orlov, Alexander Blok, image of the Motherland

Reference

1. Al'fonsov V. N. Tema Rossii v lirike A. A. Bloka v 1905–1916 godakh [The Theme of Russia in Alexander Blok's Lyric Poetry of 1905–1916]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*

- imeni A. I. Gertsena [Proceedings of the Leningrad Herzen State Pedagogical Institute]*. Leningrad, 1957, vol. 164, part. 1, pp. 364–389.
2. Gromov P. A. *Blok, ego predshestvenniki i sovremenniki [A. Blok, His Predecessors and Contemporaries]*. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1966. 568 p.
 3. Grinberg I. *Polet stikha i postup' prozy [Flight of Poetry and Footsteps of Prose]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1976. 192 p.
 4. Domnikov S. D. *Mat' zemlya i Tsar gorod. Rossiya kak traditsionnoe obshchestvo [Mother Earth and the King of Cities. Russia as a Traditional Society]*. Moscow, Aleteyya Publ., 2002. 672 p.
 5. Dudin M. *Veter vremeni i poet [The Wind of Time and a Poet]*. Blok A. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh [A. Blok. Collected works: in 6 Vols.]*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980, vol. 1, pp. 5–15.
 6. St. John of San Francisco (Shakhovskoy), archbishop. *Izbrannoe [Selected Works]*. Petrozavodsk, Svyatoy ostrov Publ., 1992. 575 p.
 7. Levinton G. A., Smirnov I. P. «Na pole Kulikovom» Bloka i pamyatniki Kulikovskogo tsikla [Alexander Blok's Cycle "On the Field of Kulikovo" and Literary Monuments of the Kulikovo Series]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Kulikovskaya bitva i pod'em natsional'nogo samosoznaniya [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. The Battle of Kulikovo and the Rise of National Self-consciousness]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, vol. 34, pp. 72–92.
 8. Likhachev D. S. *Drevnerusskaya literatura i sovremennost' [Ancient Russian Literature and Modernity]*. *Russkaya literatura*, 1978, no. 4, pp. 12–29.
 9. Panchenko A. M., Smirnov I. P. *Metaforicheskie arkhetyipy v russkoy srednevekovoy slovesnosti i v poezii nachala XX veka [Metaphorical Archetypes in Russian Medieval Literature and Poetry of the Beginning of the 20th Century]*. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]*. Leningrad, Nauka Publ., 1971, vol. 26, pp. 33–49.
 10. Serman I. *Poet i istoriya [A Poet and History]*. *Voprosy literatury [Questions of Literature]*, 1967, no. 4, pp. 179–188.
 11. Usok I. E. *Kulikovskaya bitva v tvorchestve Aleksandra Bloka [The Battle of Kulikovo in the Works of Alexander Blok]*. *Kulikovskaya bitva v literaturе i iskusstve [The Battle of Kulikovo in Art and Literature]*. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 264–287.
 12. Chislov M. *Prostory sovremennoy poemy [Reaches of the Modern Poem]*. *Voprosy literatury [Questions of Literature]*, 1981, no. 1, pp. 74–91.